

В тот момент, когда Гу Чуньлай улыбнулся и сказал ему «Я не боюсь», Сяо Жофэй вдруг захотел увести его с собой.

Но это осталось лишь мыслью. Сяо Жофэй прекрасно понимал, кто он такой. Находясь на своей позиции, он просто не имел права на капризы.

Он думал изменить сценарий, но никогда по-настоящему не сталкивался со смертью. Когда писал, он пытался сместить акцент на другие моменты: например, на отца, который, мня себя главой семьи, тянул вниз жену и сына, но в последний миг обрёл освобождение, хотя болезнь и не позволила ему выразить свою любовь; или на мать, провожающую любимого с тяжёлым сердцем; или на бунтующего сына, который наконец примирился с отцом.

Исходя из этого, даже если бы он захотел что-то поменять, у него не было бы точки приложения.

Оставалось только снимать и смотреть по ходу дела.

За час до съёмки Гу Чуньлай захотел ещё раз перечитать сценарий, чтобы настроиться в одиночестве. Как бы Сяо Жофэй ни волновался, сейчас они были продюсером и актёром, поэтому он мог лишь тысячу раз напомнить о важном, а затем покорно удалиться на съёмочную площадку.

Вскоре прибыли и двое старших актёров.

Обычно тёмный павильон теперь полностью превратился в больничную палату. Стены цвета слоновой кости, металлические стойки, холодные приборы, опутанные трубками, по которым текла спасительная жидкость. Ху Цзышэн, игравший отца Чжоу Сяоча — Чжоу Ицзюня, по сценарию первым лёг на койку, а группа подключила трубки и аппарат ИВЛ. Сяо Цаньсин уселась на стул рядом, наклонившись вперёд, в её взгляде тревога и последняя крупица хрупкой надежды сменяли друг друга.

За пять минут до начала съёмки, как и договаривались, появился один Гу Чуньлай. Он почти превратился в Чжоу Сяоча: казалось, он только что получил звонок, примчался, запыхавшись, и в его глазах читалось неверие.

В этой сцене не было резких смен планов, главное заключалось в передаче эмоций персонажей. Они должны были быть естественными, многослойными, без малейшей игры, чтобы зрители в кинозале почувствовали нахлынувшую скорбь.

Такой кадр в каком-то смысле снять сложнее, чем длинный и замысловатый план.

Да и человеческие эмоции мимолетны, поэтому они предпочли не репетировать, а сразу начать съёмку. Когда актёры заняли свои места, режиссёр Фан кратко объяснил суть сцены, и начали.

Два опытных мастера мгновенно вошли в роль. Со стороны отца — жажда жизни, надежда на смерть и невысказанная любовь. Со стороны матери — сначала спокойное утешение, затем постепенно нарастающее эмоциональное напряжение. Весь процесс был невероятно гладким, словно они переживали это на собственном опыте.

Затем настала очередь Чжоу Сяоча. Он бросился вперёд, с тревогой взывая к отцу.

Но игра Гу Чуньлая была слишком сдержанной. Ни слёз, ни иных реакций. Он слишком зажался.

Режиссёр крикнул «Стоп!», и они начали заново. Снова не получилось.

Попробовали ещё раз — всё равно не то.

Такие эмоциональные сцены выматывают не меньше, чем экшен.

После трёх или четырёх дублей режиссёр подошёл к камере, взял Гу Чуньлая за руку:

— Чуньлай, в этой сцене должен быть эмоциональный взрыв. Ты слишком сдерживаешь себя. Это твоя сильная сторона, но здесь нужно чуть больше.

Гу Чуньлай на мгновение застыл, затем, обретя дар речи, хрипло и отчётливо произнёс:

— Режиссёр Фан, я считаю, эмоции должны накапливаться постепенно. Разве Чжоу Сяоча здесь не должен быть без слёз и криков?

Сяо Жофэй и режиссёр Фан переглянулись. Оба они считали, что потеря самого близкого — это естественная причина для скорби.

Но Фан Цю всё же спросил:

— Как это?

— Всё происходит слишком внезапно. Хотя Чжоу Сяоча и вызвали в больницу, это происходит не впервые. Для него это просто визит, его эмоции ещё не дошли до той точки. Я думаю, некоторые люди, с характером вроде Чжоу Сяоча, столкнувшись с внезапной и глубокой печалью, могут, наоборот, не заплакать.

Сказав это, Гу Чуньлай отвел взгляд, провёл рукой по лицу. Со стороны Сяо Жофэя казалось, что его пальцы коснулись уголка глаза.

Ему захотелось остановить съёмки, перенести на завтра, но эта сцена была словно пытка «линчи» — чем дольше тянулось, тем сильнее была боль.

Режиссёр смягчился:

— Тогда давай попробуем.

Камеры снова заработали.

Первые несколько эпизодов прошли безупречно. Когда настала очередь Чжоу Сяоча, двое опытных мастеров мгновенно адаптировались, продолжая играть по сценарию, а глаза Гу Чуньлая внезапно покраснели. Он оставался спокоен, но по сравнению с предыдущими дублями его налитые кровью глаза стали куда убедительнее. Сцена продолжалась. В миг, когда человек на смертном одре испустил последний вздох, взгляд Гу Чуньлая стал пустым. Он не видел ничего впереди, изо всех сил оттолкнул медсестру, встал на колени у кровати, вцепился в одеяло и не отрывал глаз от ушедшего.

Он произнёс:

— Вернись... Не бросай меня...

Этих слов не было в сценарии!

Одна фраза Гу Чуньлая разрывала сердце. Его взгляд из пустоты перешёл к скорби, смешанной с раскаянием. Весь процесс был настолько естественным, что это совершенно не походило на игру.

Сяо Жофэй взглянул на режиссёра, но та остановила его жестом, не собираясь ничего прерывать. Она крепко зажала рот и нос, боясь издать звук, лишь несколько слёз вырвались из уголков её глаз. Актёры в центре кадра переживали подлинную разлуку со смертью, их скорбь была глубокой, но не разрушительной, создавая мощный водоворот, способный заставить всех присутствующих забыть, что съёмка уже закончилась.

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем она тихо произнесла «Стоп» и объявила об окончании рабочего дня.

Сяо Жофэй поспешил вперёд, взял Гу Чуньлая за плечи. Он увидел, что на его губах запеклась кровь, лицо было потерянным, но без единой слезинки. Как бы он ни звал, тот продолжал смотреть на уже пустую кровать, мёртвой хваткой сжимая одеяло и не желая отпустить.

— Пойдём, Чуньлай, — Сяо Жофэй приложил всю силу, буквально оторвал Гу Чуньлая от кровати, обнял и крепко прижал к своей груди. — Мы едем на кладбище Лунсян. Навестим их.

Гу Чуньлай наконец отреагировал. Он попытался вырваться из объятий Сяо Жофэя, но тот крепко держал его:

— Нельзя. Завтра ещё съёмки, я не могу уйти. Дай мне успокоиться, оставь меня одного, я быстро приду в себя, не надо беспокоиться, не обращай внимания...

— Гу Чуньлай! — Сяо Жофэй не дал ему сбежать, повысив голос. — Слушай, ты не обуза. Всё предоставь мне. Пойдём.

Гу Чуньлай не собирался позволять себе впасть в протрацию и погружаться в хрупкое прошлое. Но декорации на съёмочной площадке, игра двух старших мастеров мгновенно втянули его в сцену, в боль утраты самого близкого, не дав времени на подготовку. Он не помнил, что говорил, была ли его игра удачной, и не знал, кто в тот момент был перед камерой — Чжоу Сяоча или нечто иное.

Он забыл о продуманных эмоциях персонажа, о том, как должен реагировать на каждом шагу. Окружающие пейзажи и звуки словно растворились в воде, исказились, испарились без следа и унеслись к краю неба. Он хотел ухватиться за них, но ветер унёс его ввысь, лёгкого, словно сухой лист на ветру, не находящего места, чтобы опуститься.

Прошло много времени, прежде чем в качающемся ритме движения Гу Чуньлай наконец очнулся. Перед ним был знакомый интерьер «Бентли» Сяо Жофэя, а тот, кто сказал, что увезёт его, сидел на водительском месте, одной рукой держа руль, другой — сцепив пальцы с его пальцами, сосредоточенный. Он приподнялся, выпрямился, хотел высвободить руку, чтобы не отвлекать водителя, но Сяо Жофэй держал крепко, не давая ему ускользнуть.

— Проснулся? Выпей воды, — сказал водитель, глядя прямо перед собой.

Гу Чуньлай взял чашку и сделал глоток:

— Билочунь?

— Да, Билочунь с гор Дунтин, собранный до Цинмина. Мама сказала, что и учитель Хоюэ, и

дедушка очень его любили, велела взять с собой. Я почувствовал аромат и перед выходом заварил две чашки.

Прошло больше двадцати лет, а кто-то до сих пор помнил о мимолетной связи, возникшей благодаря одному фильму. Он осторожно поставил чашку и произнёс:

— Спасибо.

Эти два слова были слишком легковесны, чтобы выразить благодарность в его сердце. Но кроме них Гу Чуньлай ничего не мог сказать.

— Эти слова прибереги и скажи ей самой, когда вернёшься. Я не намерен передавать, — Сяо Жофэй всё ещё был сосредоточен на дороге, не замечая выражения лица Гу Чуньлая. Уголки его губ приподнялись, и он продолжил:

— Она упоминала, что во время съёмок у неё сложились хорошие отношения с учителем Хоюэ. Наверное, это было взаимное уважение. Ты же знаешь, когда они снимали «Битву дракона и тигра», они вдвоём...

Гу Чуньлай кое-что об этом слышал.

<http://bllate.org/book/15563/1415780>